

КОНТЕКСТЫ

А.А. ГУГНИН

О НЕИЗБЕЖНОМ ЕДИНСТВЕ
ЕСТЕСТВЕННОЙ И ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ¹

1. Существующее ныне разделение науки на естественную и гуманитарную противоестественно и ложно. Вся и всякая наука есть создание (вымысел, миф) человека. Единственный источник, до сих пор создававший и создающий науку, – человеческое сознание, единственная легитимная форма бытия человеческого сознания – Слово. И физику и филологию творит человек, и там и здесь в равной мере возможны как открытия, так и заблуждения. Уже на вышеназванном основании можно признать всего лишь логической уверткой попытки разделить науку на две половины по принципу сосредоточенности на самом человеке (психология, социология, политология и т.д.) или же направленности вовне человека (геология, ботаника, география и т.д.). Эта логическая увертка, игнорирующая единственный источник науки, повлекла за собой длиннейшую цепь недоразумений, в результате которых западный человек оказался выключенным из единой системы природы и космоса, словно бы он и не является их творением, а прибыл на Землю неизвестно из каких миров и сам целеполагает и себя, и природу, и космос. Знаменитый для старшего поколения советских людей лозунг дедушки Мичурина «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача» (на самом деле скорее всего придуманный каким-нибудь ушлым журналистом) есть квинтэссенция всей западной цивилизации, гнавшей ее колумбов грабить открываемые земли и материки и уничтожать всякое сопротивляющееся этому разбою коренное население. Фашистская Германия, Советский Союз и США – три наиболее ярких – хотя и очень разных примера воплощения самого духа западной цивилизации в XX веке. Первых двух уже нет, и в последние годы США наиболее выпукло демонстрирует, как на практике действует основной принцип цивилизации данного типа.

Оставив здесь в стороне вопрос о праистоках западной цивилизации, отметим лишь, что современный этап этой цивилизации обозначился уже в эпоху Реформации и Возрождения, когда были сломаны основные догматы католической церкви и сделан важнейший шаг к свободе и произволу индивидуального человеческого сознания. Ничего нового европейский человек в дальнейшем пока не изобрел – вся новая и новейшая история легко может быть описана как последовательное разворачивание (и воплощение в жизнь) свободы человеческого сознания, когда те или иные мыслительные идеи, зарождаясь в отдельных "головах", постепенно "овладевали массами" и тем более доводились до полного абсурда, чем целенаправленнее и ожесточеннее поверившие в них люди пытались воплотить их в реальной жизни (*tabula rasa* просветителей, идея арийской избранности германцев у национал-социалистов; в настоящее время США, используя инструмент НАТО, доказывают неопровержимую мощь идеи свободы и демократии с помощью бомбовых ударов и иных форм силового нажима). Европейское сознание, пошедшее путем наиболее радикального разрыва личности с унаследованной традицией, обеспечило себе стремительное развитие, которое, однако, напоминает и стремительную скачку к пропасти, ибо быстрое движение при ложных посылах рано или поздно, но все же неизбежно подводило западный мир (и Россию также – по мере ее интенсивной включенности в западную модель сознания) к очередной катастрофе. Современное западное сознание сейчас смоделировано таким образом, что ложные послышки об индивидуальной свободе личности в рамках социальной и космической среды жестко и напрямую связываются со страхом потерять эту индивидуальную свободу, если со всей решительностью не выступить против ее врагов (сербов, например). И эта модель работает пока совершенно безупречно в головах подавляющего большинства западной интеллигенции – именно потому, что эта модель освящена многовековым развитием рационалистического европейского сознания; она кажется солидной и научно обоснованной – несмотря на все несуразности и абсурд реальной европейской истории.

¹ Настоящая работа является попыткой автора максимально кратко сформулировать наиболее общие итоги 40 лет эмпирической литературоведческой работы, отчасти отраженной в кандидатской и докторской диссертациях и в 500 научных публикациях, см.: Гугнин А.А. Библиография литературоведческих, литературно-критических публикаций и переводов. Москва – Новополюцк, 1995. – 63 с.; продолжение в кн.: Проблемы истории литературы. Сборник статей. Выпуск четвертый. М., 1998. С. 106 – 108. (Библиография литературоведческих и литературно-критических публикаций кафедры зарубежной литературы МГОПУ в 1995–1997 гг.). В публикуемых тезисах автор стремился развить некоторые идеи монографии: Гугнин А.А. Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века: феномен и некоторые пути его осмысления. М., 1998 (Доклады Научного центра славяно-германских исследований). Данные тезисы впервые опубликованы в сб.: Проблемы истории литературы. Сборник статей. Выпуск восьмой. – М.: МГОПУ, 1999. – С. 3 – 12.

И весь этот абсурд не имеет шансов быть прекращенным, пока европейское сознание не попытается найти для себя более надежный фундамент и поставить на этот фундамент всю систему воспитания и образования. При том, что сегодня в школах и вузах репродуцируется массовое рационалистическое сознание, идеалом которого является развертывание индивидуальной свободы отдельной личности, практически почти нет надежды, что будут правильно поняты и восприняты голоса отдельных мыслителей, предупреждавших о вредности этого идеала и о губительности этого типа сознания (Гёте в «Фаусте», например, или Достоевский в «Преступлении и наказании» и «Бесах»). Современное прагматическое сознание легко находит уловки и лазейки, чтобы обойти суть проблемы, заключающуюся в ложных исходных посылах европейского массового научного мышления Нового времени, до сих пор не желающего расставаться с положительной верой в созидательные способности европейского рационального сознания.

2. Одним из пробных камней и ловушек стало для европейского сознания отношение к мифу. Вместо того, чтобы продолжать осмысление исходного этимологического содержания понятия древнегреческого *Mythos* = Слово, европейское сознание устремилось в русло Логоса, довольно быстро оформившись в риторику. В рамках европейской риторической культуры миф не только утратил свою ключевую роль, но уже в эпоху Просвещения подвергся уничтожающей критике со стороны авторитетных представителей элитарного научного сознания (Вольтер) и был затем решительно вытеснен на роль примитивно-го «детства человечества» в позитивистской науке XIX века. Эта ситуация в своих основных чертах сохраняется и по сей день, несмотря на усилия Гердера и Гёте, романтиков и символистов, Джойса, Кафки, Мейринка и магических реалистов в XX веке, несмотря на уже существующие сотни книг и статей, где вырабатывается совершенно иной взгляд на особую роль мифа во всей человеческой истории. Но поскольку не преодолено размежевание естественных и гуманитарных наук и господствующей формой современного сознания является прагматизм, сосредоточенный на достижении сиюминутных благ и не заглядывающий в будущее, то остается неизменной позитивистская схема воспитания и образования, репродуцирующая массовое прагматическое сознание, чреватое дальнейшими катастрофами.

3. Миф – исходная и единственная форма бытия человеческого сознания, ибо миф есть слово, а слово есть миф. Миф – образ (фрагмент) мира в человеческом сознании, выраженный словом. У человеческого сознания нет иной, более мощной формы выражения своего бытия, чем слово. Все другие семиотические системы коммуникации, разумеется, важны и интересны, но вся человеческая цивилизация как таковая основана на слове, и, значит, на мифе. Но слово – двуликий Янус, распахивающий перед человеком мир истины и тут же искажающий и затуманивающий ее. Словом мы осваиваем мир и одновременно же заслоняем его от себя, потому что мы переводим предметный мир (реальность) в мир нашего сознания. Происходит своеобразный "перевертыш" – реальность нашего сознания становится для нас часто важнее, весомее самой реальности – мы больше верим образам нашего сознания, чем самим фактам. В нашем сознании факты и предметы внеположенной нам реальности, то есть по отношению к нам независимые и объективные, становятся зависимыми и субъективными.

Таким образом, Слово для человека стало величайшим благом и одновременно величайшим злом. Словом он может прояснить и высветить картину мира и состояния собственного сознания и словом же может затемнить и сфальшивить ее. Слово стало в руках (устах) человека необходимым инструментом, подобным молотку, которым можно забить полезный гвоздь, но можно же проломить череп своему ближнему.

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез него начало быть, и без него ничто не начало быть, что начало быть. В нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его», – замечательные слова, которыми открывается святое благовествование от Иоанна. Эти слова свидетельствуют о Добре Слова, завершившего сотворение человека. Но уже с первых веков христианская религия постоянно порождала мощные ереси, а затем и вовсе распалась на православие, католичество, многочисленные течения протестантизма, униатскую церковь и трудно исчислимое количество разнообразных сект – это ли не лучшее подтверждение двуликости Слова, даже столь божественного как Библия. Уже только это должно было бы настраивать любого образованного и мыслящего человека христианского мира (и, не в последнюю очередь, разросшуюся секту атеистов) весьма скептически по отношению к собственному сознанию, искать возможности критического дистанцирования от собственной субъективности, во всяком случае – смягчения ее. Но образование в большинстве случаев в силу уже названных причин становится скорее тормозом, чем проводником взаимопонимания. Нравственный подвиг В. Соловьева, с трагическим самосожжением искавшего выход из этого тупика, кажется, еще не скоро будет оценен по достоинству, то есть как предвестие необходимого и неизбежного будущего. А пока почти каждый утверждает единственную истинность собственного субъективного сознания, упрямо репродуцируя свой индивидуальный миф и свое личное слово. Исходя из этой абсурдной ситуации, постмодернизм, устраняющий саму мысль о возможности единственной Истины, можно считать явлением естественным и закономерным, ибо теперь один абсурд (наличие многих Истин, утверждающих свою единственность) уравнивается другим абсурдом

(избирай любую из наличного арсенала Истин и тешься с ней, пока не надоест, но не мешай и другим играть в свои игрушки, ибо единственной Истины не было, нет и не будет).

4. В эпоху Просвещения окончательно сложилась концепция рассмотрения человеческой истории с точки зрения идеи непрерывного общественного прогресса. Идея прогресса захватила в свою орбиту все науки – и естественные и гуманитарные – и господствует в массовом сознании до сегодняшнего дня, показателем этого опять-таки является вся система европейского школьного и вузовского образования. Этот предвзятый взгляд на человеческую историю и культуру вольно или невольно привел к субъективной идеализации прогресса, к выпячиванию положительных (вершинных) достижений и к затушевыванию или даже игнорированию всего остального, не укладывающегося в идею прогресса или даже опровергающего ее. Вся культура христианского мира с точки зрения идеи прогресса построена на долженствовании, на нравственном императиве Нового Завета, процитирую для наглядности лишь небольшое стихотворение швабского романтика-протестанта Л. Уланда, которое можно было бы поставить эпиграфом (или эпитафией) ко всей истории европейского гуманизма:

Власть

Из всех властей, что о Земле радеют, –
Пусть рады им народы иль не рады,
Есть лишь одна: чем большим завладеет,
Тем больше будет на Земле отрады.
Краса, добро и правда не стареют –
Они не ждут ни славы, ни награды,
Пред властью их обязаны склониться
Сыны свободы и ее убийцы².

Христианские гуманисты несколько столетий зывали к идеалам «добра, красоты и правды», но реальная история христианской цивилизации шла своим кровавым путем, наиболее очевидной чертой которого была агрессивная нетерпимость к инаковерующим и инакомыслящим, к инакоживущим и вообще ко всем более слабым. Американская протестантская цивилизация, начавшая с безжалостного вытеснения и уничтожения коренного населения Америки, продолжает и сегодня совершенствовать ту же тактику собственного диктата (но теперь уже распространяя ее постепенно на весь мир), поддерживаемую все более совершенным и все более сокрушительным оружием и основанную все на той же идее нетерпимости к инокодумающим и инакоживущим и на уверенности в своем праве и превосходстве.

Гуманистическая концепция культуры в XX веке повсюду обнаруживает свою односторонность и несостоятельность. Первое условие преодоления этой возрастающей субъективности – это отказ от оценочного подхода к человеческой истории и культуре, ибо всякая оценка еще более усугубляет аксиоматическую субъективность нашего сознания. Все наличные попытки оценочных подходов к человеческой истории и культуре представляют собой безнадежный тупик, потому что сразу же обнаруживают субъективность оценивающего, представляющего ту или иную религию, политическую партию, философскую или эстетическую концепцию и так далее. Абсолютно все, что претерпевает или творит человек в ходе тысячелетий своей истории, – все это и есть его реальная история и его реальная культура. Каков сам человек, такова и его история и культура.

5. Это категорическое требование полного отказа от оценочных подходов в сфере человеческой истории и культуры, равно как и в сфере всех гуманитарных наук, на практике, видимо, неисполнимо, во всяком случае в настоящее время: все христианство основано на разделении «добра» и «зла», вся критика и публицистика в конечном итоге сводится к оценкам, все гуманитарные науки исходят из тех или иных концепций и тратят десятилетия или столетия для доказательства тех или иных оценочных позиций. Так было и, видимо, так всегда и будет. Каждому отдельному человеку – писателю, ученому или критику – отпускается для жизни слишком малый срок, но, как правило, все же достаточный, чтобы выговориться, раскрыть неповторимые черты своей оригинальности и субъективности, обогащая тем самым представление о человеческом многообразии и о неисчерпанности его возможностей, выражением которой именно и является своеобразие и оригинальность каждого творческого художественного или научного (или вообще любого) дарования. Но и само это бесконечное разнообразие форм проявления человеческих возможностей должно же иметь под собой более глубокое основание и объяснение, чем объяснение человеческих деяний только собственной человеческой волей и собственным человеческим хотением или не хотением. Ведь жизнь на Земле все же сотворена не человеком, и уж никаким образом человек не мог сотворить себя сам. Только самонадеянность и особая субъективность европейского сознания позволили ему выдвигать идеи о целесообразности человеческого существования и о смысле человеческого бытия. На вопросы о цели и смысле человеческого бытия (равно как и мироздания в целом) серьезная наука

² Перевод мой. – А. Г.